

DOI
УДК 82.161.1

А. В. Фролова

Фролова Анна Васильевна — кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный университет,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
frolova-anna2008@yandex.ru

МИР ДЕРЕВНИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Б. ЕКИМОВА «РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА»*

В статье анализируются рассказы Бориса Екимова 2000-х годов, составившие сборник «Родительская суббота». Ее целью стало исследование повседневной жизни героев Б. Екимова, позволяющее ему описать современное состояние деревни. Важными характеристиками деревенского пространства становятся удаленность от города, цивилизации, запустение, одичание, разделенность на отдельные локусы. Писателя волнуют не социальные проблемы сами по себе, а вызванные ими изменения в духовной жизни людей. Б. Екимов фиксирует прерывание традиции, необратимое изменение повседневной жизни людей, оказавшихся на грани выживания, что мотивировано сменой исторически сложившихся форм бытия — ставшей привычной колхозной жизни. В его художественном мире бытийное замещается историческим и социальным, а герои выключены из пространства родовой жизни, у них нет осознания абсолютности онтологического закона. Деформированные связи между людьми проявляются, в первую очередь, в трансформации образа хозяина и изменении характера соседских отношений.

Ключевые слова: «деревенская» проза, Борис Екимов, герой Екимова, современная деревня, «Родительская суббота», деревенский быт.

A. V. Frolova

THE WORLD OF THE VILLAGE IN THE «SATURDAY OF SOULS» BY BORIS EKIMOV

This article analyses the stories of Boris Ekimov written in the 2000s, which compiled the “Saturday of Souls” collection. It was aimed at studying the everyday life of Ekimov’s characters, allowing him to describe the village of today: this is not a comprehensive, complete being. Important features of the rural space are distance from the city, civilization, desolation, savagery, division into separate loci. The writer is concerned not with social problems per se, but with the changes they cause in the spiritual life of people. Boris Ekimov captures the interruption of tradition, the irreversible change in the everyday life of people who find themselves on the verge of survival, which is motivated by the change in historically established forms of being — the collective farm life that has become familiar. In his artistic world, the historical and social issues replace the existentialism, and the characters are excluded from the space of tribal life, they do not perceive the absolute essence of the ontological law. The deformed ties between people are, first, in the transformed image of the farmer and changed nature of relations between neighbours.

Keywords: «village» prose, Boris Ekimov, Ekimov’s character, modern village, “Saturday of Souls”, village housekeeping.

Одним из ярких современных представителей русской классической традиции является Борис Екимов. Он лауреат Государственной премии РФ (1998), член Союза писателей, является постоянным автором «Нового мира». Б. Екимов — автор более двухсот опубликованных произведений, многие из которых известны и за рубежом, переведены на французский, итальянский, испанский, немецкий и английский языки. Одна из самых известных повестей, «Пастушья звезда», находится в Президентской библиотеке. Центральной в творчестве Б. Екимова является тема русской деревни, хутора, степного Задонья. Писатель с горечью рассказывает о порушенной деревне, потерянных судьбах, человеческой незащищенности, описывает тяжелый земледельческий труд человека, пространство его дома, которое является сакральным для жителей деревни, отношения с соседями, природу степи.

Проза Бориса Екимова не обойдена вниманием литературоведов. К ее достоинствам относят соединение «повышенной поэтичности повествования с трезвостью и остротой социального зрения» [9, с. 228], «жизнеутверждающий пафос» [1, с. 296], «умение слушать мир» [11, с. 130], внимание к «духовно значительному» [6, с. 240], «изобразительный талант» [8, с. 95]. Своеобразие творчества писателя в значительной степени определяется обращением к теме современной деревни и связанной с ней темам крестьянского труда, памяти, связи поколений, вопросам смысла и ценности бытия, жизни и смерти. Екимов исследует историю деревни от момента основания и вплоть до гибели, словно «испытывает традиционный крестьянский уклад на прочность» [4, с. 326].

Аналитическим материалом для статьи выбран сборник «Родительская суббота», в который вошли рассказы 2000-х годов. Нас интересует, какие пере-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23–18–00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

мены в жизни современной деревни фиксирует Екимов, какой стала повседневная жизнь человека.

Пространственное измерение повседневности — место, где протекает жизнь человека (жилище, поселение). Б. Екимов фиксирует изменение пространственных координат: «Хутор носил громкое имя — Большие Чапуры. Теперь это звучало словно насмешка. Это когда-то, при советской власти, при колхозах-совхозах, Чапуры были и впрямь большими, на две сотни дворов. А нынче — лишь малое селенье в далеком глухом Задонье» [3]. Важной характеристикой локуса становится его удаленность от города, цивилизации, что на уровне сюжета поддержано отсутствием дорог или их плохим состоянием. Хутор будто бы выключен из жизни большого мира. В этой связи вспоминаются стихотворения Николая Рубцова «Добрый Филя» и «В избе». Для них характерно одинаковое художественное пространство («лесной хуторок» и «избушка за бугром» [7, с. 17, 123]), главное качество которого — удаленность, уединенность: «меж звериных дорог», «вдали от всех вселенских дел» [7, с. 17, 123]. Описанный в стихотворениях мир не связан с прогрессом, достижениями цивилизации, даже элементарными житейскими удобствами. Вместе с тем героям присущи органика отношений с миром, полнота личностного существования в гармонии с окружающим. У Н. Рубцова удаленность хуторка от цивилизации выступает условием потаенности, сокровенности мира, в то время как в рассказах Екимова становится знаком бытовой неустроенности современной деревни.

Существенной характеристикой деревенского пространства становится запустение, одичание: «Умирают, уходят с хутора люди, ветшают и рушатся дома, базы, разрежая былую тесноту дворов. Соседства давно уже нет, когда через плетёный забор окликнешь живую душу. Нынче дома и поместья стоят вольно, будто чураясь друг друга; меж ними — пустоши, руины, заросли дурной травы или задичавшего сада» [3]. В семантике «пустоты» есть значение потенциальной наполненности, однако в рассказах Б. Екимова оно не актуализируется. Более того, явлены утраты не только домов, усадеб, но и строений более позднего времени, маркирующих советскую эпоху: «Когда-то рядом теснились школа, магазин, почта, клуб, медпункт, бригадная контора. Нынче — руины да пустыри с заплывшими ямами» [3]. Мотив пустоты, праздности земли связан не с крестьянским календарем, а с отсутствием тружеников.

Знаком изменения пространства также становится его разделенность на отдельные локусы. Екимов сравнивает дома и подворья с «плавающим островами». Люди живут на хуторе, но не вместе, а рядом. Отсутствие целостности проявляется в оппозиции «свой / чужой», новой для деревни. Население хутора сменилось: многие умерли, кто-то подался в город. Хутор пополнился новыми поселенцами, самые заметные — беженцы, бичи и го-

родские. Отношение к ним у местных жителей разное. Бичей, бесплатных работников, которых на хутор заманили обманом чеченцы, жалеют: «Работник ли, по-нынешнему «бич», который пасет скотину у Вахи, существо жалкое: кожа да кости, рваниной прикрытые, калоши на босу ногу. Круглый год пасет» [3]. К городским подчеркнуто дистанцированное и ироничное отношение, объясняемое сезонностью их пребывания на хуторе и праздностью жизни: «Так и остался Рыбаком или Городским, хотя городские на хуторе не редкость. Но те — свои, а этот напоказ чужой: белотелый, с пузцом, бабьим просторным задом, в очках и при соломенной шляпе — ни дать ни взять городской» [3]. Беженцев хуторские осуждают за неустроенность быта и нежелание его наладить: «Лодыри, — веско произносит приятель мой. — Монастырь беззаботный. Вот под зонтиком и хоронятся» [3].

Свидетельством изжитости традиционного уклада жизни в художественном мире Б. Екимова становится изменение характера соседских отношений. Словарь С. И. Ожегова дает следующее определение соседству — «смежность, близость с кем-, чем-нибудь по месту жительства или по месту расположения» [5, с. 750]. Соседство — вписанное в русскую культуру и хорошо освоенное фольклором понятие. Показателем этого становится множество поговорок о соседях: «Без брата проживу, а без соседа не проживу», «Сосед не захочет, так и миру не будет», «Соседство — взаимное дело», «Хоть лыком шит, да сосед», «Соседа держись», «Худое дело — обидеть соседа», «Близкий сосед лучше дальней родни» и пр. В них актуализированы значения близости, родства, семейности, что выходит за рамки словарного значения слова.

Феномен соседства становится объектом авторской рефлексии в рассказе «Просто — соседи». Он построен на антитезе: противопоставлены прежние, уже умершие соседи повествователя и настоящие. Екимов фиксирует разное качество отношений. Старые соседи приравнены повествователем к членам семьи, они участливы, гостеприимны, разделяют беду и радость, владеют искусством общежития (лучше ущемить себя, но не нанести вред соседу). Они включены в пространство дома: «Потому что дом — это люди, и не только родные и близкие, но и соседи: Прасковья Ивановна да Петр Семенович, Кузьмич, тетка Фрося, Сурковы, баба Поля Короткова» [3]. Новые соседи строят свинарник подальше от своего дома, но в непосредственной близости от забора соседей, не выходят узнать, почему у соседей горит ночью свет, хоть это и кажется подозрительным (оказывается, что соседей обворовали). «Глухие заборы, железные сетки» свидетельствуют о нежелании жить общей жизнью, что проявляется даже в нарушении ритуала общения: «Обычное слово "здравствуйте" становится редкостью» [3]. Становится понятно, что народная традиция понимания соседства как определенного образа жизнеосуществления ушла в прошлое.

Тема деревенского запустения, обнищания села, деградации её жителей — пожалуй, ключевая в творчестве Бориса Екимова. «Задачей писателя становится исследование путей выживания народа в условиях разрушения глобального мифа об избранности русской земли, едином национальном доме-храме» [4, с. 33]. В художественном мире писателя человек оказывается на грани выживания, что мотивировано сменой исторически сложившихся форм бытия — ставшей привычной колхозной жизни. Пока был колхоз, жизнь была вполне терпимая, от человека требовалось только работать, завтрашний день был понятен и предсказуем. После развала колхоза на хутор даже хлеб забывают завозить. Каждый остался один на один с проблемами («Ведь до властей — как до Бога»), с кругом повседневных дел, с каждодневными бытовыми заботами (как прокормиться, в первую очередь). Главный герой рассказа «Тюрин» мучительно переживает собственную неустраиваемость, многократно рассказывает одну и ту же «милую сказку былых времен» про прошлую жизнь, когда его труд был отмечен. Герои Екимова тоскуют не по онтологическим смыслам, для них колхоз замещает сакральное целое.

Исследователями творчества Екимова давно отмечено переплетение социального и нравственного. Писателя степени волнуют не социальные проблемы сами по себе, а вызванные ими изменения в духовной жизни людей. Объектом внимания становится нравственный облик жителя деревни, именно человек является «мерой всех вещей». По замечанию Я. Удина, творчество писателя «не что иное, как сегодняшний день, оцениваемый первоначальным мериллом — совестью». Екимов здесь конкретен и категоричен: есть совесть или нет ее — вот основа его этики, по которой человечность в человеке проверяется его отношением к привычным, самым необходимым в повседневности ценностям» [11, с. 131].

Главной ценностью хуторской жизни в художественном мире Екимова объявлен труд. Исследователи давно обозначили характерного героя екимовской прозы — сельский труженик, всю жизнь работающий на земле, для которого каждодневные обязанности не только не являются бременем, но становятся естественной и необходимой потребностью. Труд для него — выполнение основного предназначения, главный смысл жизни. Эта принципиальная жизненная установка находит выражение в особом чувстве Хозяина, основанием которого служит осознание собственной ответственности перед всем живущим на земле. «Слово *хозяин* в устах Б. Екимова, — пишет В. Васильев, — высшая оценка человека и его отношения к окружающему <...> хозяин значит живущий собственным трудом, великий труженик. Это — основной источник, питающий героев писателя уверенностью в жизни; им определяются и все другие людские качества...» [2, с. 153].

В ряде рассказов сборника «Родительская суббота» главными героями выведены Тимофей и Ва-

лентина — супружеская пара, вернувшаяся из города в деревню. Их подворье замещает собой сакральный центр: расположено «посреди хутора», «словно пуп, мимо не пройдешь и не проедешь» [3]. Оно воплощение деревенского лада: строения — родительский дом, обложенный кирпичом, кирпичный гараж с просторным погребом, жилая кухня, баня, хозяйственные постройки — «надежны и крепки», обилие скотины, ухоженный огород. Герои включены в ежесуточный круговорот дел как естественный образ жизнеосуществления. Труд становится мерой времени. Хозяйственные дела «меряются не часами, а упрягами: утром — первый, второй, самый тяжкий, — дневной, третий — вечерний, уже до звезды» [3]. Вместе с тем Екимов делает акцент не на описании хорошо отлаженного и богатого хозяйства героев (для писателя очевидна связь между тяжелой работой и сытой жизнью), а на их нравственных качествах: «совестливости, непоказной доброте, человеческой надежности» [3]. В доме Валентины и Тимофея сохранена традиция соседства: кто «забегает по три раза на дню», кто «каждый день», «покойная баба Акуля с этого двора не выводилась» [3]. Усадьба не отгорожена забором, единственный на хуторе телефон доступен для всех, хозяева даже в дом его не заносят. Валентина участлива, жалует беженцев, лечит пожилых соседей, отстаивает интересы тех, кто не может за себя постоять, все проблемы хутора воспринимает как свои. Тяжелый труд оценивается героями как тяжелый, но привычный, им не тяготятся, ворчат, скорее, по привычке. Образ жизни героев реализует крестьянское представление о жизни на земле, которая всегда прокормит.

Екимов показывает сложность и неоднозначность жизни современной деревни. Так, словом «хозяин» он отмечает не только Тимофея, но и чеченца Мусу, который скупил всю деревню, и Мишку Абрека. У последнего хозяйство богатейшее: «катухи, загоны, сарайчики с хрюканьем, кудахтаньем да мычаньем», «ухороны да погреба, в которых и дна нет», «хлебные закрома, немереные, «всякого добра хватает» [3]. Источник обустроенной жизни героя не только готовность день и ночь трудиться, но и отсутствие моральных преград: «днем и ночью течет ручеек из самогонного аппарата», не гнушается брать ворованное, «цена все в копейку» [3]. Удачная ночь для Мишки — это и когда корова отелилась двойней, и когда сосед кольцо золотое принес на пропой. Так возникает новый поворот в мотиве хозяйствования: хозяин не только тот, кто тяжело трудится на земле, но и предприимчивый, умеющий устроиться в жизни человек.

На другом полюсе повествования оказываются герои, не умеющие или не желающие наладить собственный быт. В рассказах подчеркивается неприглядность их жизни: в доме старшего брата Решнина «захватанные занавески, на кроватях — матрацы, тряпье, ватные драные одеяла», «хата Гришки Бахчевника словно лисья нора: темная, с вечно закрытыми ставнями, с желтым электриче-

ским светом, с кислым запахом браги, нечистого жилья» [3], у Васьки Рахмана «почерневший от времени дощатый дом с прорехами да щелями, с разваленной кирпичной трубой, остатками крылечка» [3]. Если подворье Тимофея и Валентины названо усадьбой, то место жительства этих героев обозначено как хата, жилье, жилище, «воронье гнездо». Дом несет отпечаток личности хозяина: Гришка «давным-давно не бахчами занимается, а самогоном» [3], Рахманы сначала воровали у колхоза, теперь — у соседей. Дом Рахманов, как и подворье Тимофея и Валентины, Екимов сравнивает с пупом, актуализируя значение крайней бедности: «Голо вокруг: ни палисадника, ни забора, ни ледащего огородика, тем более — дерева ли, куста» [3]. Вместе с тем «воронье гнездо» Рахманов тоже претендует на место сакрального центра хутора. Екимов, таким образом, показывает многосоставную деревенскую жизнь, в которой сосуществуют полярные образы жизнеустройства, оцениваемые участниками как самодостаточные. Более того, количественное соотношение не в пользу тружеников.

Яркой особенностью стиля Екимова является внимание к мелочам, «любовно выписанным подробностям быта, пейзажа, переживаний героя» [10, с. 28]. Детали отражают жизненный уклад хутора, современный и утраченный. Так, «говорящей» подробностью становится каймак: она фиксирует и ритуал, и сакральную память о нем (в каймачном духе запечатлено «все хуторское, как говорят, «невладанное», то есть первозданное»), длительность традиции: «Он в наших краях с детства до старости, ее всеохватность: «Даже на поминках, после горячего хлёбова, обязательно подают со взваром щедро намазанные каймаком пышки» [3]. История каймака дает Екимову возможность не только установить бытийные связи, но и зафиксировать социально-исторические, обозначить утраты (нет каймачного масла «и не будет»). Разворачивается целостная картина жизни донского казачества в недавнем историческом прошлом и сакральном времени. «В моем детстве у нас во дворе была одна корова (все же не хутор, а поселок), с одной много не накаймачишь, тем более что в ту послевоенную пору большая часть молока уходила государству на коровий налог» [3]. Ритуал снятия каймака объединяет память и старшее поколение, представленное в рассказе «старинной соседкой» рассказчика, и поколение самого рассказчика, который вспоминает «молодые годы», когда, «озорую по ночам», ходили «каймаки сымать», и сегодняшний день, когда «нет теперь ни русских печей, ни горшков-жаровок, ни каймачных казанов, а значит, нет и по-настоящему топленого молока. Но каймаки все же остались» [3]. Время «теперь» — это пора утрат, связанных с изменением форм жизни («зимняя городская жизнь»), отсутствием больших коровьих стад, самих казачьих хуторов.

Екимов показывает, что в современной деревне предметы обихода, вещи утратили символическую

значимость, связывающую их с предельными ценностями. Так, печи заменили духовками, раньше за столом собиралась для трапезы семья, теперь — пьют самогон. Возвращение к старому быту если и происходит, то не от хорошей жизни. «Борщ еще доспевал в белой кастрюле, прикрытый полотенцем, на низенькой дворовой печке — ”горнушке”. Когда-то при совхозе готовили на газовых плитах, а ныне к «горнушкам» вернулись, к дровам да кизьякам. Баллоны с газом далеко, да и стоят они теперь дорого, не подступишься. Лепешки ли, пышки, которые хлебу замена, тоже на «горнушках» приноровались печь» [3]. Утрачен ряд привычных деталей, свидетельствующих о жизненном укладе: «Помаленьку исчезли на улицах, возле ворот скамейки, на которых летними вечерами люди сумерничали по-соседски» [3].

Возвращаясь к названию сборника, необходимо отметить его символичность. Оно отсылает к духовному ряду — народной традиции: родительская суббота — день поминовения ушедших. В контексте сборника допустимо говорить не о попытке реконструкции прежнего жизненного уклада, а, скорее, о пафосе прощания с ним: «Уходит наш старый дом вместе со всей округой. Нынче уплывают последние» [3]. показательно и название одного из рассказов — «Конец старого дома». Мир современной деревни — это не целостное, завершённое бытие, у автора нет задачи воссоздать его. Б. Екимов фиксирует прерывание традиции, необратимое изменение повседневной жизни деревни. В его художественном мире бытийное замещается историческим и социальным, а герои выключены из пространства родовой жизни, у них нет осознания абсолютности онтологического закона.

Литература

1. Богатко И. Серьезнее некуда — жизнь // Литературная Россия. 1984. № 46. С. 291–302.
2. Васильев В. Высота Бориса Екимова // Достоинство слова: Литературно-критические статьи и заметки о современной поэзии и прозе. М.: Современник, 1988. С. 150–154.
3. Екимов Б. П. Родительская суббота (рассказы разных лет) // Роман-газета. 2006. № 15. 112 с.
4. Ковтун Н. В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 352 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М.: «Издательство Оникс», 2012. 1376 с.
6. Роднянская И. Род людской: [О кн. Б. Екимова «Высшая мера»] // Новый мир. 1996. № 11. С. 237–241.
7. Рубцов Н. М. Видения на холме. Стихи, переводы, проза, письма. М., 1990. 400 с.
8. Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 77–97.
9. Скарлыгина Е. Всё на свете — живое // Знамя. 1987. № 12. С. 228–230.
10. Сурганов В. Возвращение к азбуке [К итогам дискуссии о социал.-нравств. проблематике рассказа Б. Екимова «Холошино подворье»] // Лит. обозрение. 1981. № 9. С. 26–31.
11. Удин Я. О прозе Бориса Екимова // Волга. 1988. № 3. С. 130–141.